

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Шимов В.В.

БГУ, г. Минск

В статье рассматриваются вопросы, связанные с осмыслением и пониманием политических процессов, протекающих в Европе и на постсоветском пространстве. Критически осмысливается методологический инструментарий отечественной политической науки, дается анализ концепций, альтернативных современному официальному дискурсу.

Разрушение Советского Союза повергло образовавшиеся на его месте новые независимые государства в глубокий кризис идентичности. Спустя более 15 лет после Беловежских соглашений бывшие социальные, культурные, политические связи по-прежнему держат постсоветские государства вместе. С другой стороны, выработки эффективной интеграционной модели, адекватной реалиям нового времени, на постсоветском пространстве так и не произошло. В связи с этим особое значение приобретает изучение опыта интеграционных процессов, активно протекающих в сопредельном геополитическом ареале – европейском. Однако изучение европейского опыта интеграции невозможно без учета культурной специфики региона и осознания невозможности прямого применения европейского опыта на постсоветском пространстве. Особенности политической жизни постсоветского пространства, со своей стороны, также нуждаются в детальном и углубленном изучении.

Победное шествие западнического дискурса, начавшееся во всех сферах общественной жизни во времена перестройки, в области гуманитарных наук привело к поистине революционному перевороту, который, на первый взгляд, воспринимается как долгожданное освобождение от тяжелого спуда догматической марксистско-ленинской философии. Однако с ее крушением наблюдается обратная крайность. Хлынувший из-за рубежа поток литературы был воспринят, без преувеличения, совершенно некритически. На смену марксистско-ленинской приходит новая догматика. Конечно, само по себе ознакомление отечественных ученых с западной методологией, прежде всего в области таких наук, как политология, развитие которых в СССР было заморожено, стало ис-

ключительно позитивным фактом. Однако восприятие западных концепций в качестве универсальных непреложных истин, их прямой перенос на отечественную «почву» вновь уводит нас от научного понимания нашего общества в сферу идеологических клише и пропаганды, пусть и более завуалированной, чем во времена СССР.

Российский историк А. Фурсов справедливо отмечает: «...практически вся история капиталистической эпохи и современности (19-20 вв.) и – косвенно – «докапиталистической эпохи» в Европе и история неевропейских обществ написаны по сути с англо-саксонских (англо-американских) позиций, на основе англо-саксонских ценностей, понятий, следовательно... и интересов, т.е. интересов двух гегемонов мировой системы (Великобритания, 1815-1873/1914 и США, 1898/1918 – по наши дни). История современности написана победителями, они назначили героев и антигероев, и на повестке дня – ревизия этой интерпретации» [1]. Думается, сказанное можно отнести не только к истории, но и ко всему спектру гуманитарных наук.

Говоря о судьбах постсоветского пространства, отечественные гуманитарные науки, ориентированные на экстраполяцию западных концепций, не дают ответа на многие вопросы. Применительно к нашей тематике – политическим процессам на постсоветском и европейском геополитических пространствах – политическая наука не дает ответа или попросту не обращает внимания на два следующих вопроса. Первый – почему построение «Большой Европы» фактически застопорилось на бывшей советской границе. Второй – почему новые независимые государства, претендующие на звание демократических, оказались не в состоянии создать жизнеспособное интеграционное образование на постсоветском пространстве, хотя еще недавно они были интегрированы в единое государство и, таким образом, имели прекрасную платформу для реинтеграции на новых принципах.

Для ответа на эти и многие другие вопросы нам надо будет вспомнить о целом пласте литературы, находящейся, к сожалению, за пределами сегодняшнего научного дискурса. Это литература, представляющая взгляды отечествен-

ных мыслителей и ученых, придерживающихся «почвеннических» (в самом широком смысле этого слова) взглядов. За последние двести лет «почвенниками» была накоплена обширная библиография, которая в большинстве случаев либо оказывается вне учебных курсов по философии и социальным наукам, либо ей уделяется минимальное внимание.

Генеалогия указанного направления восходит к работам славянофилов (Хомяков, Аксаков, Данилевский), взгляды которых формировались в полемике с западниками, вслед за Гегелем говоривших о «неисторичности» славян и видевших их шанс вернуться на дорогу истории в подражании германским народам. В предреволюционной России начала 20 в. «почвенничество» в основном связывается с движениями консервативно-охранительного толка, такими, как Союз Русского Народа, впоследствии во многом незаслуженно дискредитированными как «черносотенные». С утверждением в России большевистской власти и марксистско-ленинской идеологии «почвенничество» развивается преимущественно в эмиграции и переживает здесь своеобразный ренессанс, связанный с идеями евразийства. Важной вехой стала и работа И. Солоневича «Народная монархия». На современном этапе «почвенничество» представлено работами философов А. Панарина, В. Кожина, А. Зиновьева, экономиста С. Глазьева, историка А. Фурсова, «неоевразийцев» во главе с А. Дугиным, а также некоторыми другими. Взгляды всех вышеперечисленных авторов значительно отличаются и зачастую входят в противоречие друг с другом. Тем не менее, всех их объединяет стремление уйти от догматических западных схем, переосмыслить западную методологию в применении к российским реалиям, а также выработать собственную методологию, которая давала бы адекватное представление о политических и социальных процессах в России, СССР и, ныне, на постсоветском пространстве.

Осмысление процессов, происходящих на постсоветском пространстве, а также взаимоотношений стран постсоветского пространства со странами ЕС представляется невозможным без обращения к трудам и взглядам «почвенников». Чтобы увидеть глубинную сущность интеграционных процессов в Европе

и нынешнего состояния постсоветского пространства, нужно прежде всего ответить на вопрос о природе властных отношений на этих больших пространствах.

Евроцентрические концепции в описании политической системы руководствуются реалиями западных обществ. При описании политических режимов (прежде всего, в их динамике) постсоветских государств и России они сталкиваются с феноменами, объяснить которые оказываются не в состоянии (обычно такие феномены списываются на неразвитость демократических институтов или «тяжелое наследие» советского прошлого). Мысль о том, что сама природа властных отношений в западном и российском (постсоветских) обществах может отличаться, не допускается. Между тем, такой подход оказывается на поверку очень плодотворным и приводит нас к неожиданным выводам. Авторы «почвенники» в своих трудах неоднократно указывали на то, что властные отношения в Европе с давних пор устанавливались на юридической договорной основе, в то время как в России власть носила идеократический характер, т.е. базировалась не на своде законов, а на наборе идей неюридического (религиозного, идеологического) характера.

Уже в средние века мы наблюдаем на политической арене Европы множественность политических акторов – феодалов, – в фактическом владении которых оказываются разновеликие территории с проживающими на них людьми. Эти большие и малые руководители вступают друг с другом в сложные отношения вассалитета-сюзеренитета, что неизбежно ведет к бурному развитию юридической документации, оформляющей эти отношения. Таким образом, преклонение перед законом выработалось у западного человека уже во времена средневекового феодализма, ведь юридический акт становился незыблемой гарантией тех или иных прав вассала перед сюзереном, а вассалами были не только отдельные физические лица, но целые селения и территории. Наличие на политической арене множественных акторов-собственников привело к быстрому выхолащиванию и десакрализации титула императора Священной Римской Империи, верховного сюзерена, власть которого изначально носила идео-

кратический характер. Активное вмешательство католической церкви в политическую и экономическую жизнь, зачастую в очень неблагоприятной роли, также вело к утрате ею духовного авторитета и превращению во всего лишь одного из игроков (пусть и очень влиятельного) на политической арене. Место императора и Папы в качестве высшего духовного арбитра занял закон. Принцип преклонения перед законом переключался и в Новое время, когда буржуазия закрепляла отвоеванное себе место под солнцем новым священным юридическим актом – Конституцией, на страже которой встал верный сторожевой пес – парламент.

Совершенно иной этос сложился в России. Его становление началось во времена, когда западные земли исторической Руси оказались под властью Литвы и Польши, а восточные – Великой Орды. Именно на этих восточных землях, в условиях постоянной военной угрозы со стороны могущественных соседей, а также, по выражению И. Солоневича [2], «географической обездоленности» (суровый климат, скудость и заболоченность почв, короткий вегетационный период – кстати, природно-климатический фактор, на который постоянно указывают «почвенники», современными исследователями начисто игнорируется) складывается мобилизационный тип государственности, ориентированный на централизованное перераспределение скудного прибавочного продукта с целью обеспечения выживаемости общества. Это военизированное государство со строгой иерархией обязанностей, в котором высшее сословие несет военную службу, а прочие (т.н. податные сословия) отправляют те или иные повинности на содержание воинских формирований. Такой тип государственности порождал: 1) гипертрофированный с точки зрения западного наблюдателя коллективизм, выраженное превалирование общественных интересов над частными; 2) ущемление интересов государственной элиты; 3) сакрализацию и персонификацию центральной власти, духовный авторитет которой легитимировал и делал устойчивым столь жесткий порядок. Писанный закон в таком обществе источником легитимности быть не мог – он использовался лишь как вспомогательный инструмент и часто нарушался. Эта матрица государственного устрой-

ства, хоть и в усеченном деформированном виде, сохраняется в пореформенной петровской России и воспроизводится на современной индустриальной основе в СССР в годы правления Сталина.

Следствием такой государственной конструкции была «врожденная» антисистемность элиты [3], т.е. людей, находящихся в окружении центральной власти. Подчиненная центральной великокняжеской – впоследствии царской – власти, родовая аристократия (боярство) естественным образом тяготилась налагаемыми государством ограничениями и всячески стремилась вернуть утраченные привилегии, вступая тем самым в конфликт со всем обществом. Закончилось это погромом родовой аристократии при Иване Грозном и во время смуты 17 в. Новая аристократия - служилое дворянство – также стремилась занять привилегированное положение и добилась немалых успехов в послепетровский период, выродившись со временем в паразитарный класс. Упадок дворянства в результате Великих реформ (60-70 гг. 19 в.) вызвал к жизни новую элиту – буржуазию и интеллигенцию, также вступившую в конфликт с государством. Недолгое торжество этой элиты в дни Февраля закончилось полным крахом государственности и установлением новой, большевистской, идеократии, которая закономерно расправилась с прежними властвующими группировками и обслуживающими их интеллектуалами.

Распад СССР во многом объясняется «бунтом» уже советских элит, ставших тяготиться жестким «сталинским» этосом, который хоть и значительно смягчился со времен «культы личности», тем не менее, отводил им роль пусть и привилегированных, но всего лишь наемных государственных служащих. Для удовлетворения своих властных и материальных амбиций союзные элиты пошли на разрушение государства и территориальное расчленение страны. В этом свете становится понятной и неспособность руководителей новых независимых государств к созданию интеграционных образований: делегирование хотя бы части своих полномочий и подчинение каким-то общим правилам – а именно этого требует интеграция – органически противоречит интересам этих неофеодалов по своей сути элит. Поэтому интеграционные инициативы, которые,

несомненно, отвечают национальным интересам новых независимых государств, являющихся осколочными несамодостаточными образованиями, повисают в воздухе, в то время как элиты постоянно вступают в конфликты, доходя в отношениях друг с другом почти до «точки замерзания». При разрешении этих конфликтов элиты не склонны к компромиссам и стараются максимально навязать свою волю оппонентам. В частности, фактический срыв интеграции в рамках Союзного государства России и Беларуси во многом объясняется желанием российской элиты подменить взаимовыгодное равноправное сотрудничество подчинением экономико-политической жизни Беларуси своим узкокорпоративным интересам.

Кстати, Беларусь представляет собой уникальный случай для постсоветского пространства. Реакция на «пиршество интересов» постсоветских элит здесь наступила очень быстро, и почти сразу после распада СССР произошло восстановление той исторической государственной матрицы, речь о которой шла выше. По всей видимости, несовпадение государствообразующих матриц России и Беларуси также является одной из причин неудач многих интеграционных инициатив в рамках Союзного государства.

Разумеется, постсоветские элиты, сколь бы громко они ни декларировали приверженность западным ценностям, всегда будут чужими на Западе с его этикой соблюдения внутренних правил. Этим, в частности, объясняется недопущение (или допущение на второстепенных ролях) постсоветских элит в западные транснациональные структуры (в т.ч. и ЕС). Запад готов использовать постсоветские элиты в своих прагматических интересах, но не готов и не собирается говорить с ними «на равных».

Европейская интеграция сегодня представляет собой закономерное продолжение консолидации западного мира перед лицом внешних угроз. Этот процесс начался в годы Холодной войны, однако ликвидация социалистической системы вовсе не привела к его остановке. Существование социалистической системы угрожало экономическому, политическому и культурному господству Запада в условиях отчетливо обозначившегося дефицита ресурсов планеты. По-

этому уничтожение социалистического лагеря как нельзя лучше отвечало интересам западных – в том числе и европейских – стран. Очевидно, они постараются сделать все, чтобы не допустить восстановления бывшего СССР в качестве самостоятельного полюса силы. В этом деле вольными или невольными союзниками Запада оказались постсоветские элиты, развязавшие массированную деиндустриализацию, которая закрепляет республики бывшего СССР в качестве сырьевой периферии мировой капиталистической системы. Шельмование Западом руководства Беларуси, «не вписавшейся» в подобную модель, лишь подтверждает эту догадку.

Таким образом, предлагаемый угол зрения на политические процессы на европейском и постсоветском пространствах, отличный от привычных политологических схем, обнаруживает новые грани и нюансы, которые долгое время находились вне поля научных исследований. Очевидно, это связано с вопросами прежде всего методологического характера – взяв на вооружение не осмысленные критически концепции и категориальный аппарат западных политологов, отечественные исследователи оказались просто не в состоянии «увидеть» многие проблемы. Между тем, отечественными авторами, взгляды которых зачастую игнорируются официальной наукой, создан впечатляющий методологический инструментарий, релевантный специфическим условиям политической и социальной среды России и постсоветского пространства и позволяющий описывать эту среду в адекватных понятиях и терминах. Поэтому скорейшая «реабилитация» авторов, принадлежащих целому направлению отечественной социально-философской мысли (мы условно обозначили его как «почвенническое»), а также включение их трудов в учебные курсы по философии и общественным наукам является, по нашему мнению, важнейшей задачей, стоящей перед научным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Фурсов А. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладонью». <http://www.apn.ru/publications/print11379.htm>
- 2.Солоневич И. Народная монархия. М., 2002
- 3.Игнатов И. Империя: попытка рациональной апологии. // Завтра. 2006. №52.